

Руслана ЛЯШЕВА

Казак казака видит издалека

О новой книге Гария Немченко

Гария Немченко публицист и прозаик Карем Раш сравнил как-то с Фолкнером; дескать, тоже уроженец Юга (естественно, России) и знает проблемы своего края не меньше, чем Фолкнер был осведомлен в перипетиях бытия чернокожих обитателей Юга США; столетием, конечно, раньше. У меня такая мысль тоже мелькала в голове, поэтому я не удивилась ее появлению у другого литератора. И новая книга Немченко – «Вольный горец» (Майкоп, Адыгейское республиканское книжное издательство, 2010) своими повестями и рассказами работала на эту мысль, вроде бы ее подкрепляя. Да, вот пример из раздела «Берем от высокого духа. Портреты единомышленников»; глава «Откровение» тезис прямым текстом подкрепляет: «...Вернулся в родные кубанские края, но в силу обстоятельств поселился в Адыгее, в Майкопе, и после долгих лет сибирской да столичной жизни как бы вновь узнавал Кавказ, обживался, что там ни говори, среди другого народа. 1/1 то, и другое давалось непросто, но потихоньку срастались, срастались корешки, оставленные на этой земле казачьими предками, столь многое когда-то у адыгов – читай, черкесов, кабардинцев да адыгейцев – перенявшими. Потому-то и позволил себе вскорости над московскими представлениями о Кавказе горько подшучивать...» (стр. 293). И не только. Не только подшучивать. «...Старое казачье правило подставлять плечо, когда столица еще не спохватилась, заставляет принимать собственные решения: на свой страх и риск».

Ах, всем бы нам такого – казачьего – правила придерживаться! Однако, продолжим следить за раздумьями Гария Немченко: «Заботой Моей было восстановление на новой основе, с непременным сохранением тысячелетних национальных традиций, единого с Россией духовного пространства Северного Кавказа...». Ну, и еще пару-тройку слов: Я теперь – «в матерьяле», – на сленге «киношников».

По знанию проблем Немченко, возможно, за пояс Фолкнера бы заткнул, но он говорит о них как публицист, прямо и лаконично формулируя суть, а почвенник Уильям Фолкнер – художник до мозга костей, он выдумал целый округ Йокнапатофу и написал о нем несколько романов (особенно популярна трилогия: «Деревушка», 1940 г.; «Город», 1957; «Особняк», 1961 г.) и немало рассказов, которые населил одними и теми же персонажами. На примере рода южан Сноупсов Фолкнер показал историю развития гражданских отношений на Юге США и трагического противостояния рабов-негров и белых плантаторов. В 1950 году самый популярный американский прозаик был удостоен Нобелевской премии, принимая которую, он произнес прочувствованную речь о своей вере в человека. Исследователь его творчества («Фолкнер», М., 1976) Николай Анастасьев писал, что за Фолкнером «подобно хвосту кометы... долго тянулась легенда. Легенда об отшельнике, бегущем контактов с людьми, обрабатывающем свое фермерское хозяйство, а в промежутке между сборами урожая сочиняющем странные, ни на что не похожие книги. Надо сказать, что и сам Фолкнер немало способствовал распространению легенды. На самом деле, Фолкнер родился (1897 год) в семье аристократов в не большом городке Оксфорд в штате Миссисипи на глубоком Юге Америки, здесь провел всю жизнь и здесь же умер (1962 год).

Признание к нему пришло в конце жизни, и он успел вкусить славы, но вот того, как через полвека после его ухода изменится Америка, Фолкнер, пожалуй, не предвидел. В США впервые президент – негр! Барак Обама. Но при этом у США – роль мирового жандарма! Такие контрасты, наверное, побудили бы Фолкнера написать еще одну, уже вторую сагу с проблемами похлеще тех, что были им накручены на судьбу рода Сноупсов.

Короче, в похожей ситуации кто-то из наших классиков воскликнул, мол, я – не Байрон, я другой! Вот и Гарий Немченко, хоть и южанин в России, но, слава Богу, не Уильям Фолкнер, потому что рабство в России отменили намного раньше, чем в США, хвальной ныне своей демократией. Впрочем, хватит о Фолкнере.

Сам-то Гарий Немченко на кого ориентируется? Вот, то-то и оно-то! В «Записках о народном Пушкиноведении», то есть в «Вольном горце» одна глава (или рассказ?) называется «Слуга покорный», где речь ведется о слуге Гоголя Якиме Немченко, в родню к нему Гарий Немченко и набивается, дескать, одна лишь буква – разница не велика. Хозяин со слугой, как вспоминают современники и подтверждают письма Гоголя, не церемонился. «Я тебе рожу побью», – повторяет Немченко за Гоголем и с юмором комментирует: «Но я-то, а? Пошел, выходит, по шерсть, а вернулся стриженным. Более того, наголо!.. Разве близкое знакомство Якима с «зеленым змием» – не есть, думал, прямое подтверждение твоего кровного с Якимом родства» (стр. 29). Непрочь наш современник и к самому Николаю Васильевичу Гоголю присоседиться: «Девичья фамилия моей мамы, Антонины Мироновны, была Лизогуб. Предки ее перебрались на Кубань из Украины и чттили себя запорожскими казаками. Но Лизогубы – одна из самых главных ветвей родословного дерева Николая Васильевича Гоголя. Для начала не слабо, верно? И стал я, значит, к великому писателю потихоньку подкрадываться» (стр. 27).

Кстати, возвращается автор «Записок» к великим: «Пушкин и Гоголь после отъезда Николая Васильевича в Рим больше не виделись, но дружба между ними впоследствии получила продолжение в близком родстве их потомков... Мария Александровна, дочь Александра Александровича, старшего сына Пушкина, вышла замуж за Николая Владимировича Быкова, сына одной из сестер Гоголя, Елизаветы Васильевны...» (стр. 32). Мало того, Господь-Бог свел «вместе потомков Арины Родионовны и дальних родственников Якима Немченко. Наследников няни да слуги...» (стр. 33).

В самом деле, зачем Фолкнер? Гоголь – другое дело! Казак, можно сказать, казака видит издалека. А, на мой взгляд, Гарию Леонтьевичу еще ближе Николай Михайлович Карамзин, автор «Писем русского путешественника». По стилю ближе! Эмоциональная публицистика.

Два единства

Стихотворение Федора Тютчева «Два единства» за минувшее столетие не потеряло актуальности. Вот оно.

Из переполненной Господним гневом чаши

Кровь льется через край, и Запад тонет в ней.

Но не смущайтесь, братья наши! –

Славянский мир, сомкнись тесней...

«Единство, – возвестил оракул наших дней, –

Быть может, спаяно железом лишь и кровью»...

Но мы попробуем спаять его любовью,

А там посмотрим, что прочней...

Подтверждение догадке об актуальности мысли Тютчева содержится в статье Немченко «Откровение» с размышлениями о женитьбе царя Иоанна Васильевича, Грозного, на кабардинской красавице-княжне Гошане Идаровой, которой было 15 лет, а царю – 30 и за плечами одиннадцатилетняя супружеская жизнь с Анастасией Захарьиной, «впоследствии, скорее всего, отравленной» – роняет реплику прозаик. В статье писатель выступает как критик и горячий апологет Любы Балаговой, ее книги «Царская любовь», в перевод которой на русский язык много души внес поэт Николай Перепелов. Из множества персонажей Балаговой автор особенно внимательно вглядывается и читателей подталкивает к отцу княжны: «...Мудрый и отважный Темрюк Идаров, бесконечно любящий свою дочь, горячо желающий ей счастья, знающий, что сердце ее уже отдано одному из молодых кабардинских князей, но хорошо понимающий, что будет значить отказ царственному свату с севера, и очень надеющийся на то, что маленькая его, воспитанная в лучших традициях, терпеливая умница все преодолееет, все переможет и на веки вечные скрепит союз двух очень нужных другу другу народов... Да разве так оно, в конце-то концов, и случилось?»

Роман в стихах, определяет комментатор жанр, – не драма, «это – трагедия со страстями поистине шекспировскими – недаром «Царская любовь» выходит заодно и на английском языке – на родине великого драматурга».

Немченко, уроженец Юга и казак, размышляет: «Может быть предрасположенность к Северному Кавказу и острая боль, горечь-горькая за то, что и ныне (а то и нынче – особенно, нынче – как никогда еще) этот уникальный, удивительный край так и пребывает непонятым, лишает меня и желания и, не исключая, возможности, что-то вычленишь, «резать по живому». «Царскую любовь» надо читать от начала и до конца, и читать не единожды: роман – стихах – великолепных, надо сказать, стихах! – этого стоит».

Поскольку добросердечному совету далеко не все могут последовать, а лишь те, кому попадет в руки роман, то Немченко идет навстречу пожеланиям трудящихся и цитирует один из диалогов Марии Темрюковны и Иоанна Васильевича: «Взяла я в сердце всю страну твою. И если в ней исчезнут вдруг солдаты – я сброшу платье и надену латы, чтоб защитить тебя и Русь в бою. Иль рухну мертвой – или устою!..» – «Ах, белошвейка! Страшную работу ты хочешь сделать за мои грехи. Не знаешь ты – и за тобой охоту уже ведут коварные враги. Они следят за каждым твоим шагом, их тайный взгляд тебя везде пасет. И если смерть войдет мне в грудь, как шпага, то и тебя никто здесь не спасет.

Опасен враг, идущий от границы, но с ним могу я встретиться в бою. А как от тех врагов мне защититься, что здесь, в столице, ищут смерть мою?»

В диалог веришь, оценивает впечатление Немченко и переходит к предисловию Балаговой, где содержится высказывание о героине: «Она воскресла в моей душе, как Великий Ангел, позволяющий увидеть неисчерпаемую глубину духовного плана адыгов и дарящий бесконечную любовь ко всему русскому... Ее судьба – родиться кабардинкой, затем стать великой Русской Царицей, быть принятой, любимой и возвеличенной, а затем быть забытой и униженной – возвышает ее до таких высот, что ее имя смело произносится рядом с именами святых. Чем сильнее искажают ее светлый образ, тем ярче и чище становится ее Душа. Ее имя связывает два народа – кабардинцев и русских. И, возможно, именно потому, что в мире когда-то была (а для меня есть и поныне) Гошаней, или Царица Мария, я ощущаю свою равную принадлежность как к кабардинскому, так и к русскому народам. Осознаю свою духовную причастность к Кабарде, Точно также, как и к Москве».

Такие слова Любы Балаговой – прямой ответ на восклицание Федора Тютчева «спаять единство» народов любовью! «А там посмотрим, что прочней...» – бросил нам, потомкам наказ Тютчев.

Замечательно «посмотрел» Гарий Немченко, а также Люба Балагова, автор романа «Царская любовь». Они пришли к обобщению, что для народов России и Северного Кавказа единство, основанное на любви, оказалось прочнее того, что «спаяно железом лишь и кровью». Ведь и в наши дни не перевелись «оракулы» и прорицатели «единства» на крови. Публицисты, политики, писатели кивают при таком раскладе на Югославию, Ирак, Афганистан. Сейчас, похоже, прибавляется четвертая страна – Ливия. Многие уже задаются вопросом, а какая, дескать, страна станет пятой? Не Россия ли?

Жаль, тираж книги Гария Немченко «Вольный горец» всего лишь – 500 экземпляров. Важнейшую проблему он в статье «Откровение» зацепил! А прочитают о ней немногие.

Кстати, позитивную мысль Немченко и Балаговой удачно дополнил и развил поэт и руководитель Союза писателей Дагестана Магомед Ахмедов. На 14-й национальной выставке-ярмарке «Книги России» на ВВЦ в Москве 16–21 марта 2011 года состоялась презентация трех сборников прозы писателей Северного Кавказа. Магомед Ахмедов выступил и сказал, что в повести Льва Толстого «Хаджи-Мурат» Кавказа больше, чем в нынешних книгах некоторых современных писателей Северного Кавказа. Им ведь важно самих себя показать, на большее не подвизаются.

Очень интересная мысль! Единое духовное пространство России и Северного Кавказа продолжают создавать (и как бы держать на плечах, как Атланты – «небо» у питерского Эрмитажа!) современные писатели, а также классики русской литературы XIX века, писавшие о Кавказе – Лев Толстой, Михаил Лермонтов и другие.

Вот, собственно, и концепция! Ее сформулировали три писателя – Гарий Немченко, Любовь Балагова и Магомед Ахмедов.

Ба-ба-ба! Слона-то я и не заметила! Совсем упустила из вида четвертого – главного – автора концепции. Ну, ничего себе! Ведь именно Федор Иванович Тютчев – поэт, дипломат, образованнейший консерватор XIX века и есть главный, то есть первый из четверки, автор концепции «двух единств».

Пушкин и на Кавказе Пушкин. «Наше всё»

В сборнике «гвоздем» программы стала повесть о Пушкине. Она и по объему довлеет над остальными текстами, и по замыслу соответствует концепции Тютчева о единстве народов, спаянных любовью. Прозаик уточняет жанр подзаголовком «Записки о народном Пушкиноведении». Смысл же заголовка повести и всей книги – «Вольный горец» раскрывает эпиграф из высказываний Н.В. Гоголя о А.С. Пушкине: «В Испании он испанец, с греком – грек, на Кавказе – вольный горец в полном смысле этого слова...»

Каким высоким комплиментом Гоголь объединяет воедино русского поэта и кавказских аборигенов. Они, дескать, родственны по любви к свободе, к вольности.

Естественно предположить, что книга, изданная в столице Адыгеи – в Майкопе – республиканским книжным издательством, представит того Пушкина, которого воспринял и усвоил Кавказ. Так оно и оказалось!

Повесть написана живым, разговорным языком, она насыщена юмором (народным, легким), в ней много солнечного света. Словом, легкий Дух поэта-классика наш современник бережно и чутко воссоздал в ауре публицистического повествования. Каждый рассказ (их череда раскрывает характер Пушкина с разных сторон) имеет свой сюжет и, как правило, соединяет историю путешествия Александра Сергеевича в Арзрум, и вообще историю, с нашей повседневностью. Швы таких соединений благодаря мастерству прозаика не заметны. Перелить целый калейдоскоп красок и персонажей в рецензию невозможно и не нужно. Вполне достаточно сосредоточиться на одном выразительном сюжете.

Например, в 2003 году в Майкопе вышел роман-плач Юнуса Чуюко «Милосердие Черных гор, или Смерть за Черной речкой», его перевел с адыгейского на русский Гарий Немченко. В своей собственной повести «Вольный горец» Немченко вспоминает о той работе над переводом черкесского романа о гибели Пушкина. Из тех его размышлений, сопутствующих переводчику, родилась позднее эта повесть о поэзии, о дружбе народов, о державности и т.д. и т.п.

Рассказ «Целебный посох» возник как раз в потоке размышлений прозаика Немченко. Он отталкивается от аульского сюжета о посохе для Пушкина, который по сообщению мальчишек-озорников, приходил к аульскому плотнику Кадырбече Мафоко. Поэт не застал плотника дома и передал просьбу о посохе. Мальчишки вскоре забыли о своей озорной выходке, но старый черкес принял «заказ» всерьез и сделал из самшита для Пушкина прекрасный посох. Плотник, естественно, не дождался заказчика, сам принес изделие к ученику домой, дескать, отдашь Пушкину, если тот придет. Плата не нужна, «за так». Плотник умер. Ученик уехал в городское педучилище, а у посоха односельчане обнаружили целебные свойства. Одни заболевшие, похажив с тростью, выздоравливали, другие брали с той же целью на время, тоже забывали о болезни. Вскоре посох Пушкина – чудодейственных свойств «бещкогашиг» из аула Гатлукая – стал известен всей Адыгее. Им исцеляли больных по всей республике. Люди выздоравливали, если ходили, опираясь на набалдашник самшитового посоха. Такое чудо сотворил старый плотник-черкес для Пушкина и для своих соплеменников.

На этом месте рассказ, пожалуй, стоило бы и закончить. Ведь Восточная притча уже приобщила имя Пушкина к древней мудрости, которую поэт высоко ценил при жизни. Напрасно Немченко на сем не тормознул сюжет, а рассыпался в комплиментах виднейшим филологам и писателям Адыгеи – черкесам и русским, которые пришли в библиотеку имени Пушкина на обсуждение книги Юнуса Чуюко «Милосердие Черных гор, или Смерть за Черной речкой».

Приверженность восточному этикету (чрезмерная, на мой взгляд) только помешала опытному прозаику своевременно поставить точку. А может быть, таково правило горского этикета? Гарий Немченко, описывая Кавказ, не может не следовать горскому порядку. Ему виднее, чему отдать предпочтение – этике или эстетике?

Главное, от чтения «Вольного горца» невозможно оторваться. Кавказ как на ладони! Россия как на ладони! Значит, Гарий Леонтьевич Немченко внес лепту в единение наших народов. Ох, тонкое это дело – Кавказ. И такое притягательное для книголюбца.